

Метлана Фит Дайверы

Светлана Фит

Дайверы

«Автор»

2026

Фит С.

Дайверы / С. Фит — «Автор», 2026

Что общего между затяжным минским дождем и палящим солнцем Египта? Ответ знают они — компания закаленных белорусских дайверов, которые вот уже семнадцать лет подряд совершают свой ежегодный ноябрьский десант в Хургаду. Их цель — легендарный отель Sunny Days, расположенный в колоритной старой части города прямо у порта Дахара. За эти годы здесь изменилось многое: выросли цены на проезд в минском метро, арабы на ресепшене обзавелись солидными подбородками, а бармены выучили белорусские тосты. Но главные традиции компании остаются священными и нерушимыми. В их багаже, надежно укутанные в неопреновые гидрокостюмы, всегда летят стратегические пласты домашнего сала, ровно 80 бутылок водки из Duty Free и секретное оружие — трехлитровые банки ядреного самогона от деда Саламата, инженера на пенсии и по совместительству грозы местной таможни.

© Фит С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Семнадцать лет под водой.	5
Глава 2. Толик.	7
Г	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Светлана Фит

Дайверы

Глава 1. Семнадцать лет под водой.

Каждый год в середине ноября, когда Минск окончательно заволакивало свинцовым затяжным дождем, они выключали телефоны. Семнадцать лет подряд — срок, за который в Беларуси успел подорожать проезд в метро, а у них самих слегка округлились животы, — их маршрут оставался неизменным. Чартер до Хургады, душный южный воздух и старый дребезжащий автобус, везущий их в старую часть города. Туда, где пахнет настоящим Египтом, портовой соляровкой и жареной рыбой.

Их личной Меккой был отель Sunny days. О, этот монументальный памятник египетской архитектурной мысли в форме гигантской буквы «U»! Отель буквально врезался в Красное море, из-за чего ленивые туристы могли ловить рыбу прямо со своих балконов, а дайверы — прыгать в воду в полном снаряжении прямо из окон первого этажа (что они однажды чуть не сделали на спор).

За семнадцать лет Sunny Days пережил больше реноваций, чем некоторые европейские столицы. Здесь менялась плитка, перекрашивались стены, а аниматоры из Украины и России сменялись аниматорами из Латинской Америки, но кое-что оставалось вечным. Например, бармен на пляже, который из года в год наливал «бесплатное пиво» в пластиковые стаканчики размером с наперсток. На третий год они просто привезли из Минска свои полулитровые пивные кружки, чем навсегда заслужили уважение местной барной мафии.

На ресепшене их ждал старый знакомый — администратор Мустафа. За эти годы Мустафа из худого юноши превратился в солидного мужчину с тремя подбородками, но его способность делать вид, что «система зависла», когда просишь номер с видом на море, осталась филигранной. — О-о-о, беларус дайверс! — Мустафа расплылся в улыбке, мгновенно вспомнив, как в 2012-м эта компания пыталась протаскать в номер живого осьминога «просто показать другу». — Снова приехали мучить наших акул?

Получив ключи, они пошли по длинному, бесконечному коридору отеля. Справа шумела знаменитая искусственная лагуна, слева за забором виднелся старый порт с качающимися на волнах потрепанными катерами. В номере их встретил старый добрый кондиционер, который гудел с мощностью взлетающего истребителя СУ-27, но зато охлаждал комнату до состояния минской зимы за пять минут. На кровати красовался лебедь из полотенец, в глаза которому вместо бусин были вставлены крышечки от пивных бутылок — тонкий намек от уборщика, который тоже помнил своих щедрых гостей.

Разгружая тяжеленные сумки со свинцовыми грузами, гидрокостюмами и регуляторами, они переглянулись. Южное солнце уже садилось за портовые доки, окрашивая воду в цвет спелого апельсина. Семнадцатый сезон белорусского десанта в Хургаде официально считался открытым. И судя по тому, что таможенники в аэропорту подозрительно долго рассматривали их банку с домашней квашеной капустой, этот год обещал быть веселым. Разгружая тяжеленные сумки, дайверы бережно, словно хрусталь, извлекали на свет главное сокровище экспедиции. Гидрокостюмы и ласты были лишь маскировкой. Настоящий груз весил гораздо больше.

Началось все еще в минском Duty Free, где компания устроила легкий стресс кассирам, купив ровно 80 бутылок водки. Продавщица тогда робко поинтересовалась, не на свадьбу ли они летят, на что получила суровый ответ: «Хуже. Мы летим дезинфицироваться после Красного моря». Но водка была лишь верхушкой айсберга. Настоящей легендой их компании был дед Саламат.

Деду Саламату перевалило за семьдесят, из которых последние семнадцать он исправно нырял. В Минске он был уважаемым инженером на пенсии, а в Хургаде — практически полубогом. Дед Саламат свято верил, что местный египетский алкоголь по системе «все включено» — это секретное химическое оружие, созданное для сокращения популяции туристов. Пить его дед категорически отказывался. Именно поэтому в его багаже, тщательно замотанные в три слоя пупырчатой пленки и гидрокостюмы «пятерки», летели три трехлитровые банки чистейшего домашнего самогона двойного перегона, настоянного на прополисе. Как дед каждый год умудрялся протаскивать это жидкое золото через две таможни — оставалось величайшей тайной белорусских спецслужб.

В дополнение к самогону из сумок извлекались массивные, как слитки золота, пласты домашнего сала с прослойкой, бережно завернутые в газету «СБ. Беларусь сегодня».

— Саламат — крикнул из угла номера Коля, самый молодой дайвер компании, пытаясь запихать в мини-бар первую партию из восьмидесяти бутылок. — А если арабы на уборке твой сэм увидят? Подумают еще, что это вода, и полы им помогут!

Дед Саламат, аккуратно срезая ножом шкурку с сала прямо на отельном журнальном столике, лишь снисходительно хмыкнул:— Помогут они. Местный персонал от одного запаха моего первача переходит на чистый русский язык и начинает петь «Косил Ясь конюшину». Я в прошлый год уборщику Ахмеду сто грамм налил за то, что он нам полотенца три дня не менял. Так он мне до конца отпуска из этих полотенец не просто лебедей — он мне там целые тракторные заводы крутил! Каждое утро на кровати новая модель МТЗ-82 лежала, клянусь!

Коля рассмеялся. Сало было нарезано тонкими, прозрачными ломтиками, самогон ласково забулькал по отельным стаканчикам, а за окном Sunny Days, в лагуне, лениво плескалась соленая вода. Первая часть плана была выполнена: база была обустроена, стратегический запас провизии развернут.

Наступал вечер, а это значило, что пора было идти знакомиться с командой дайв-бота в старый порт. Арабы на лодке знали белорусов как облупленных, но они еще не знали, что в этом году дед Саламат привез экспериментальную настойку на черносливе.

Глава 2. Толик.

В компании белорусских дайверов царил жесткий патриархат. Никаких жен, друзей и случайных попутчиц на борту — только суровое мужское братство, проверенное годами, соленой водой и дедовским самогоном. Но даже за четыре тысячи километров от Минска, в старом порту Хургады, над ними незримо парил образ Олеси.

Олеся была законной супругой Толика. В Минске Толик держал павильон с б/у запчастями на авторынке Малиновка и обладал двумя уникальными талантами: он мог по звуку определить износ ступичного подшипника на «Ауди 100» и терял абсолютно всё, к чему прикасался.

Семья Толика и Олеси была эталоном белорусской бережливости. Они знали, где в Минске купить самое дешевое молоко, годами копили скидочные купоны и искренне считали каждую копейку. Но дайвинг Дайвинг был их священной коровой. Каждый год, несмотря на кризисы, курсы валют и подорожание аренды на рынке, Олеся лично отсчитывала из семейной заначки хрустящие купюры на поездку в *Sunny Days*. Это был компромисс века: Толик получал две недели свободы на Красном море, а Олеся — две недели идеальной тишины дома. Но контроль от этого меньше не становился.

— Толя! Ты почему не берешь трубку?! Я уже три раза звонила в роуминг! — гремел голос Олеси из динамика телефона прямо посреди отельного лобби. Толик держал мобильник на расстоянии вытянутой руки, словно это была граната с выдернутой чекой.

— Лесенька, дорогая, связь в этой старой Хургаде плохая, порт рядом, глушилки стоят! — оправдывался Толик, испуганно озираясь на деда Саламата, который в этот момент бережно проносил мимо ресепшена трехлитровую банку самогона в пакете из-под ласт.

— Не вешай мне лапшу на уши, Анатолий! Ты проверил сумку? Ничего не забыл? Кепка на месте?

Толик потрогал абсолютно голую макушку. Кепка осталась где-то на стойке регистрации в Национальном аэропорту Минск. Вместе с солнцезащитными очками за три рубля.

— На месте, Леся, на мне она, из рук не выпускаю! — соврал Толик, незаметно подмигивая Пашке, чтобы тот срочно нашел ему хоть какой-нибудь головной убор.

Рассеянность Толика в аэропортах давно стала легендой их компании. Толик даже вел специальный блокнот, который назывался «Утерянное имущество. За семнадцать лет Толик оставил в залах ожидания, самолетах и трансферных автобусах: шесть кепок, три пары шорт, одни плавки (как — никто не понимал), четыре электронные сигареты и один загранпаспорт, который, к счастью, нашли в кармане чужого кресла.

Но пиком его карьеры стал 2018 год, когда в аэропорту Хургады Толик умудрился просто забыть весь свой рюкзак со всеми вещами. Он прилетел в Египет в зимней куртке, теплых ботинках и джинсах. В итоге весь отпуск Толик ходил в огромных шортах деда Саламата, которые подвязывал куском шнура от гидрокостюма, и в гидромайке Пашки с надписью «Борщ — сила».

— Толя, если ты опять что-то потеряешь, я вычту это из твоего бюджета на сигареты! — предупредила Олеся. — И помни: к местному алкоголю даже не прикасайся! Ты знаешь, сколько стоит страховка в Египте, если у тебя заболит печень?! Вся наша экономия за год коту под хвост! Чтобы в одиннадцать вечера был в номере!

— Конечно, солнышко. Спокойной ночи, целую! — Толик с облегчением нажал отбой и вытер пот со лба.

— Ну что, «солнышко»? — из-за колонны вынырнул дед Саламат, протягивая Толику пластиковый стаканчик, в котором плескалась прозрачная жидкость, пахнувшая прополисом и

свободой. — Олеся твоя отдупилась? Держи для снятия стресса. Только быстро, пока она по видеосвязи не перезвонила.

Толик, озираясь по сторонам, словно международный шпион, махом заглотнул дедовский первач, зажмурился и шумно выдохнул. Из кармана шорт он выудил припрятанный, завернутый в газету кусочек сала — бережно нарезанный, с чесночком.

— Эх, хорошо-о-о — прошептал Толик, жуя сало. — Саламат, а где моя сумка с регулятором? Я же её на ресепшене ставил

Дед Саламат медленно опустил свой стаканчик и посмотрел на Толика с тихим ужасом:— Толян Мы из автобуса вышли минут двадцать назад. Ты хочешь сказать, что твоя сумка с регулятором за две тысячи евро осталась в багажнике?

Толик хлопнул себя по лбу. Автобус уже уезжал из ворот *Sunny Days*, направляясь в сторону старого порта Дахара.

— Коля! — дико закричал Толик, бросая стаканчик. — Лови автобус! Там мой регулятор! Если Олеся узнает, что я просрал снарягу, она меня самого на запчасти сдаст!

И три дайвера в шлепках, сметая на своем пути немецких пенсионеров, с криками и гиканьем помчались по жаркому египетскому асфальту вдогонку за пылящим автобусом. Семнадцатый сезон белорусского дайвинга в Хургаде начался по классическому сценарию.

Но самым черным годом в дайверской карьере Толика стал 2021-й. В тот год Олеся, листая семейную амбарную книгу, вдруг прищурилась и сказала: «Всё, Анатолий. Лавочка закрылась. Семнадцать лет то есть, четырнадцать лет ты ездешь один, тратишь валюту на своих рыб, а семья моря не видит? В этот раз мы летим вдвоем. Будет у нас культурный семейный отдых».

Для Толика это был удар ниже ватерлинии. Пацаны из дайв-клуба, узнав новость, объявили трехдневный траур и приспустили флаг на лодке в порту Дахара. Но Толик не был бы прожженным торговцем с Малиновки, если бы не попытался выкрутиться. Путем сложнейших манипуляций с он добился невозможного: Олеся купила тур в отель, который находился *вплотнюк* их родному *Sunny Days*. Буквально забор в забор.

Зрелище было душераздирающим. Границей между двумя отелями служила обычная металлическая сетка, обвитая редким искусственным плющом. Каждый день ровно в полдень на пляже *Sunny Days* разворачивалась привычная картина. Дед Саламат и остальная сугубо мужская компания шумно вываливались к морю. Они расставляли шезлонги, дед Саламат легким движением фокусника извлекал из сумки для ласт заветную пол-литровку с первачом на прополисе, Виталик нарезал сало «в спичечный коробок» толщиной. Раздавался залиvistый смех, звенели пластиковые стаканчики, пацаны травили портовые анекдоты и готовились к выходу в море на вечерний дайв.

А с той стороны сетки, всего в пяти метрах от них, стоял Толик.

На него было жалко смотреть. На Толике были эконом-плавки, купленные Олесей на распродаже, на голове — панамка «с ушками» от солнца, а в руке — стаканчик с безалкогольным приторным коктейлем «Секс на пляже», от которого у Толика уже на третий день началась изжога. Он стоял, вцепившись пальцами в ячейки забора, как пленный партизан, и грустно смотрел, как дед Саламат смачно закусывает самогон шкуркой от сала.

— Толян! — кричал ему Виталик, приподнимая стаканчик. — Ну как там твой культурный отдых?

Из-за шезлонга грозно выныривала Олеся с тубиком крема от загара SPF-50.— Анатолий! Ты опять у забора трешься? Сколько можно смотреть на этих алкоголиков? Пошли на аквааэробику, там аниматор из Туниса так красиво танцует!

Отдых для Толика превратился в изощренную пытку. Олеся контролировала каждый его шаг. Пить нельзя, нырять дорого («за такие деньги можно в Минске три мешка картошки купить!»), даже лишнюю порцию люля-кебаба в ресторане взять было нельзя, потому что

«Толя, не жадничай, дома поешь». К концу второй недели Толик похудел на пять килограммов, приобрёл нервный тик при слове «анимация» и выучил наизусть расписание всех автобусов в Дахаре.

Олеся, к слову, тоже была не в восторге. Изголодавшийся по свободе Толик постоянно ворчал, рассеянно забывал полотенца на пляже, а по ночам во сне кричал: « акула». Культурного отдыха не получилось. Напротив, Олеся поняла, что иметь дома злого, трезвого и несчастного мужа — это гораздо хуже, чем отпустить его раз в год на две недели в Египет.

Когда самолет Хургада — Минск приземлился в заснеженном Национальном аэропорту, Олеся, застегивая пуховик, посмотрела на измученного мужа и сухо сказала:— Всё, Толя. Это был первый и последний раз. В следующем году лети со своими алкашами. Сил моих больше нет смотреть на твою кислую мину.

С тех пор Олеся исправно и без лишних вопросов выделяла деньги из заначки, собирала мужу сумку и просто махала рукой на прощание. Толик вернулся в строй, а сетка между отелями навсегда осталась в памяти компании как символ великого освобождения Анатолия.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.